

ПОЯСНЕНИЕ К ТЕКСТУ

Для дат после 14 февраля 1918 года используется григорианский календарь; для предыдущих событий, связанных с Российской империей, — юлианский; впрочем, в некоторых случаях определить, к какому календарю относится дата, не удалось. Карты вычерчены с использованием равнопроемжyточной конической проекции.

ВВЕДЕНИЕ

В марте и апреле 1920 года во Владивостоке и Верхнеудинске при поддержке большевиков были провозглашены два правительства, претендующие на территорию российского Дальнего Востока, а 27 апреля 1921 года Учредительное собрание Дальнего Востока, избранное в ходе всеобщих выборов, но также контролируемое большевиками, официально завершило создание Дальневосточной республики (ДВР) со столицей в Чите. Формально ДВР была демократическим государством с капиталистической экономикой. Провозглашение российского Дальнего Востока от Байкала до Тихого океана суверенным государством, на первый взгляд, не способствовало целостности постимперской России. С точки зрения некоторых современников, создание независимого переселенческого государства стало воплощением идей сибирского областничества — движения, стремившегося к правовой и экономической автономии Северной Азии¹. Многие, впрочем, не верили в независимость государства, правительство которого находилось под контролем большевиков, и считали ДВР аванпостом Коммунистического интернационала (Коминтерна), решительно отвергавшего национальные государства как форму политической организации и, следовательно, враждебного национализму².

¹ Norton H. K. *The Far Eastern Republic of Siberia*. London: G. Allen & Unwin Ltd, 1923.

² Коммунистический интернационал. 1919 г. 1 мая. № 1, С. 11–12, 19–20.

Однако ДВР не стала ни проявлением регионального самоопределения, ни проводницей большевистского интернационализма. Действительно, Александр Михайлович Краснощёков, уроженец Украины, который вернулся в Россию из США в 1917 году и стал главным большевистским архитектором ДВР, был сторонником региональной автономии, в то время как его соперник Борис Захарович Шумяцкий, видный сибирский большевик, относился к национальному суверенитету без особого пиетета и стремился спровоцировать серию революций в Восточной Азии. Большая часть большевистского руководства региона, однако, опиралась на российский (и зачастую русский)¹ национализм, когда на поддержку ДВР нужно было мобилизовать население, включая членов партии. Хотя распад бывшей Российской империи в ходе Гражданской войны, а также опыт политической независимости и способствовали консолидации российского Дальнего Востока как отдельного региона в рамках советского имперского образования, дальневосточный регионализм так и не достиг размаха сибирского областничества и остался укорененным в российском национализме².

Поддержка большевиками российского (и, особенно, русского) национализма может показаться парадоксальной, однако он занял важное место в их риторике. Впрочем, апелляции к российскому национализму не были исключительно политическим ходом. Большевики не только использовали националистический дискурс, но и поставили в зависимость от него свою внешнюю и внутреннюю политику, что способствовало их отходу от радикального интер- и транснационализма и созданию новой версии российского имперского национализма.

¹ Деление на русский и российский национализм для указанного периода весьма условно. В контексте данной монографии под русским национализмом понимается этнически эксклюзивная интерпретация политического сообщества, а под российским — имперская, инклюзивная. В источниках четкой дифференциации между словами «русский» и «российский» нет.

² Сибирское областничество, впрочем, тоже было тесно связано с российским национализмом. Объясняя идеи видного областника Николая Михайловича Ядринцева своим читателям, Григорий Николаевич Потанин, другой видный областник, подчеркнул, что патриотизм по отношению к своему региону (Сибири) не противоречит патриотизму в отношении всей России, а дополняет его (*Потанин Г. Н. Нужды Сибири (1908) // Потанин Г. Н. Избранное / Сост. А. П. Казаркин. Томск: Томская писательская организация, 2014. С. 112*).

Особенно сильны оказались этатистские (государственнические) и оборонческие элементы националистического дискурса, получившие распространение среди значительной части населения империи в годы Первой мировой войны (1914–1918 гг.)¹. Необходимость сохранения российского Дальнего Востока в составе Российского государства, советского или несоветского, а также его защиты от японского империализма стала главным лозунгом как при формировании ДВР в 1920–1921 годах, так и при ее включении в состав Российской Социалистической Федеративной Советской Республики (РСФСР) в 1922 году, после того как японцы покинули материковую часть региона. Многие местные большевики искренне поддерживали русское национальное дело, а некоторые из них относились с явным шовинизмом к крупнейшим меньшинствам региона — бурят-монголам (бурятам), украинцам, корейцам и китайцам. Большевики были не единственными, кто претендовал на роль представителей русской (и российской) нации в регионе. Их оппоненты — забайкальский казак Григорий Михайлович Семёнов, юрист Спиридон Дионисьевич Меркулов и другие руководители антибольшевистских правительств — тоже выступали в амплу защитников русских интересов, стремясь добиться поддержки населения. Но их мнение о том, что лучше зависеть от Японии, чем быть частью антинационального Советского государства, не нашло понимания среди большинства жителей российского Дальнего Востока, многие из которых имели смутное представление о Советской России в ее первые радикальные годы, а за время интервенции стран Антанты (1918–1922 гг.) успели стать непримиримыми противниками иностранного военного присутствия.

Как ни странно, лозунг национальной независимости России от иностранного государства, а не от большевиков встретил сочувствие и среди японской, американской и другой иностранной общественности, которая «говорила» на глобальном языке

¹ Национализм стал одним из важнейших глобальных и имперских дискурсов в годы Первой мировой войны, а военная мобилизация — важнейшим прототипом мобилизаций в революционный и раннесоветский периоды; к ней прибегали как большевики, так и их оппоненты (*Holquist P. Making War, Forging Revolution: Russia's Continuum of Crisis, 1914–1921*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2002; *The Empire and Nationalism at War* / Eds. E. Lohr, V. Tolz, A. Semyonov, M. Von Hagen. Bloomington, IN: Slavica, 2014).

национализма. В момент присоединения ДВР к РСФСР многие в мире уже считали большевиков российским правительством и центром нового имперского образования. К примеру, Гарольд С. Квигли, анализируя недолгое существование республики, отметил, что советские лидеры не считают, что создание на территории Российской империи таких формально независимых государств, как ДВР или Советская Украина, «прочерчивает политическую границу и создает суверенный анклав, отделенный от русского [или российского] народа в целом»¹.

Большевики сумели максимально ослабить как местных, так и иностранных оппонентов в регионе, обратившись к леволиберальной версии российского имперского национализма, которая получила распространение среди дальневосточной общественности в годы Первой русской революции 1905–1907 годов и достигла своего расцвета во время Февральской революции 1917 года. Леволиберальный имперский национализм, который можно определить как синтетический и амбивалентный дискурс², основывающийся на включении этнических русских и нерусских бывшей империи в одно сообщество, а также как политическую программу наделения более широкими правами и возможностями маргинализированных классов, национальных меньшинств и других социальных групп, позволил большевикам привлечь на свою сторону как сторонников единства российского государства, так и тех, кто выступал за частные (партикуляристские) интересы своих групп³. Хотя некоторые бурят-монголы и корейцы поддерживали Семёнова и С. Д. Меркулова, обещания

¹ Quigley H. S. The Rise and Fall of the Far Eastern Republic // Chinese Social and Political Science Review. 1924. № 8 (1). P. 134.

² Brubaker R. The Manichean Myth: Rethinking the Distinction between «Civic» and «Ethnic» Nationalism // Nation and National Identity: The European Experience in Comparison / Ed. by H.-P. Kriesi, K. Armingeon, H. Siegrist, A. Wimmer. Zurich: Rügger, 1998. P. 55.

³ Хотя общее пространство русского языка играло важную роль в «воображении» этого сообщества (Anderson B. Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism. Rev. and extended ed. London: Verso, 1991), роль объединителя разных групп населения отводилась преобразованному имперскому государству. Подробнее об имперском национализме и самоорганизации см.: A State of Nations: Empire and Nation-Making in the Age of Lenin and Stalin / Ed. by R. G. Suny, T. Martin. Oxford: Oxford University Press, 2001 (см. русск. перевод: Государство наций. Империя и национальное

национальной автономии, отчасти выполненные в ДВР, а также поддержка Коминтерном монгольского и корейского национальных движений уменьшили число противников большевиков среди самых крупных организованных национальных меньшинств региона. Умеренная экономическая политика большевиков, введенная в ДВР в 1920 году, а в РСФСР получившая название новой экономической политики (НЭП) в 1921 году, казалась многим крестьянам региона и некоторым предпринимателям лучшей альтернативой полной экономической зависимости от Японии. В конце концов, «левый» и «либеральный» аспекты националистического дискурса многими в регионе воспринимались в экономическом, а не в политическом смысле и необязательно подразумевали создание по-настоящему представительного правления.

Социальные и экономические компромиссы оказались недолговечными. Корейцы не получили автономии и в 1937 году подверглись насильственному переселению с Дальнего Востока. Буддисты-буряты столкнулись с религиозными преследованиями уже в 1920-е годы. Частное предпринимательство было заключено в жесткие рамки, а после отмены НЭПа в 1928 году практически ликвидировано. В ходе начавшейся в 1929 году коллективизации зажиточные крестьяне всех национальностей были раскулачены — как и повсюду в Союзе Советских Социалистических Республик (СССР). Но большевики продолжили осуществление своих государственных националистических лозунгов. Внешняя политика на Дальнем Востоке стала опираться в первую очередь на имперские государственные, а не классовые интересы еще до 1925–1926 годов, когда построение «социализма в отдельно взятой стране» стало основным принципом Советского государства. В 1930-е годы Дальний Восток вновь стал чем-то вроде региона-«крепости», как и в Российской империи, где он представлялся русским национальным аванпостом во враждебном международном окружении¹.

строительство в эпоху Ленина и Сталина / Под ред. Р.Г. Суни, Т. Мартина. М., 2011); *Empire Speaks Out: Languages of Rationalization and Self-Description in the Russian Empire* / Eds. I. Gerasimov, J. Kusber, A. Semyonov. Leiden: Brill, 2009.

¹ Подробнее об официальном отношении к региону в период Российской империи см.: *Schimmelpenninck O.D. van der. Toward the Rising Sun: Russian Ideologies of Empire and the Path to War with Japan*. DeKalb, IL: Northern Illinois

ИСТОРИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ

Начиная с III века до нашей эры многие государственные образования претендовали на отдельные части обширной территории, простирающейся от Байкала до Тихого океана: держава сюнну (хунну), корейское государство Когурё, тунгусско-корейское государство Бохай (Пархэ), киданьская держава Ляо, чжурчжэньское царство Цзинь, Монгольская империя и ее наследница империя Юань, а также китайская империя Мин. С XVII века эта территория была динамичным пограничьем, где сходились периферии Цинской и Российской империй. В Забайкалье, на территории между Байкалом и верхним Амуром, на протяжении столетий жили многочисленные буряты, дауры и другие монголоязычные, а также тунгусо- и тюркоязычные группы. Коренное население в низовьях Амура и вдоль Тихоокеанского побережья, от Чукотского полуострова до Кореи, было не таким многочисленным, но чрезвычайно разнообразным: здесь в начале XX столетия жили носители тунгусских языков (эвенки, эвены, удэгейцы, нанайцы, солоны, негидальцы, орочи, ороки, ульчи и другие), чукотско-камчатских (чукчи, коряки и ительмены), юкагирских, эскимосско-алеутских и языков-изолятов (нивхи)¹.

Коренное население главным образом занималось скотоводством, охотой, рыболовством и оленеводством, в первую очередь для опеспечения своих сообществ, в то время как новоприбывших — корейцев, китайцев, а с XVII века и русских — привлекали сюда ресурсы, годившиеся на продажу, — женьшень, панты и трепанги, а также меха. Некоторые из новоприбывших занялись оседлым земледелием. Соперничество за ресурсы, в том числе за «налогообложение» коренных жителей, во второй

University Press, 2001 (см. русск. перевод: *Схиммельпеннинк О.Д. ван дер*. На встречу Восходящему солнцу. Как имперское мифотворчество привело Россию к войне с Японией. М., 2009).

¹ История Бурятии / Гл. ред. Б. В. Базаров. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2011. Т. 1. Древность и средневековье; *Forsyth J.* A History of the Peoples of Siberia: Russia's North Asian Colony, 1581–1990. Cambridge: Cambridge University Press, 1992; *Крадин Н. Н.* Кочевники Евразии. Алматы: Дайк-Пресс, 2007; *История Дальнего Востока СССР с древнейших времен до XVII века* / Отв. ред. А. И. Крушанов. М.: Наука, 1989.

половине XVII столетия вылилось в имперское соперничество Романовых и Цин. По Нерчинскому договору, подписанному в 1689 году, Забайкалье и северная часть Тихоокеанского побережья были признаны частью России, а долины рек Амура и Уссури — частью Цинской империи. В XVIII веке, после Нерчинского и последовавших за ним договоров, вектор российской экспансии сместился на северо-восток — на Камчатку, Чукотку и Аляску, в то время как Забайкалье стало территорией торговли двух империй. Но во второй половине XIX века долины Амура и Уссури вновь стали местом российско-цинского, а затем и российско-японского соперничества¹.

По Айгуньскому и Тяньцзиньскому договорам (1858 г.), а также Пекинской конвенции (1860 г.) Цинская империя уступила Российской обширные территории к северу от Амура и востоку от Уссури. Присоединение долины Амура стало результатом кризиса империи Цин, выразившегося в восстании тайпинов (1850–1864 гг.) и второй опиумной войне (1856–1860 гг.), а также переориентации России с Черного моря на Тихий океан после поражения в Крымской войне (1853–1856 гг.). Оно было продолжением континентальной экспансии России в Северную Азию (Сибирь) вдоль рек, но вместе с тем и результатом усилий генерал-губернатора Восточной Сибири Николая Николаевича Муравьева (в скором времени он станет известен как Муравьев-Амурский) и других «амурцев», стремившихся использовать реку Амур для интеграции России в Тихоокеанский макрорегион. Экспансия сопровождалась формированием Забайкальского (1851 г.), Амурского (1858 г.) и Уссурийского (1860 г.) казачьих войск, а также созданием военных постов, впоследствии ставших городами, — Николаевска (1850 г.), Благовещенска (1856 г.), Хабаровки (1858 г., с 1893 г. — Хабаровск) и Владивостока (1860 г.). Новоприсоединенные земли стали называться Амурским или Приамурским краем, или Приамурьем. В 1884 году Забайкальская, Амурская и Приморская

¹ Forsyth J. A History of the Peoples of Siberia: Russia's North Asian Colony; Stephan J. J. The Russian Far East: A History. Stanford, CA: Stanford University Press, 1994. P. 14–39.

области были объединены в Приамурское генерал-губернаторство с центром в Хабаровке¹.

Усиление России в Тихоокеанском регионе имело важные последствия для политики Японской и Цинской империй. Страх того, что Россия завладеет Маньчжурией и Кореей, способствовал появлению паназиатского дискурса, сформулированного как необходимость сотрудничества Японии, Цинской империи и Кореи против Запада (в данном случае представленного Россией), а также «ответной» японской экспансии, начавшейся в 1874–1875 годах². Кроме того, передача России Цинских земель способствовала отмене запретов на переселение китайцев-хань в Маньчжурию в 1878 году, а позднее и отмене системы Восьми знамен, взамен которой в 1907 году в Маньчжурии были созданы три провинции³.

Симодский трактат (1855 г.) и Санкт-Петербургский договор (1875 г.) с Японией, закрепивший за Россией Сахалин, а также продажа Аляски США (1867 г.) установили морскую границу Приамурского края. В 1860–1870-е годы, когда основным направлением российской экспансии стали Средняя Азия и Балканы, Приамурье в значительной степени оказалось забыто. Но после того как на Берлинском конгрессе 1878 года не удалось защитить российские интересы в «восточном вопросе», государство опять проявило интерес к Приамурью, создав в 1880 году Владивостокское военное губернаторство, подчиненное морскому ведомству. Впрочем, отдаленность региона от Европейской России, малочисленность его населения и незначительная численность находившихся в регионе войск стали препятствием для дальнейшей экспансии, и в 1888 году Владивосток вновь стал частью Приморской области. Однако именно в 1880-е годы

¹ *Bassin M.* Imperial Visions: Nationalist Imagination and Geographical Expansion in the Russian Far East, 1840–1865. Cambridge: Cambridge University Press, 2006; *Ремнёв А. В.* Россия Дальнего Востока: имперская география власти XIX — начала XX веков. Омск: Издание ОмГУ, 2004.

² *Fumoto S.* Russia's Expansion to the Far East and Its Impact on Early Meiji Japan's Korea Policy // *Russia and Its Northeast Asian Neighbors: China, Japan, and Korea, 1858–1945* / Ed. by K. Matsuzato. Lanham, MD: Lexington Books, 2017. P. 2, 4.

³ *Tsukase S.* The Russian Factor Facilitating the Administrative Reform in Qing Manchuria in the Late Nineteenth and Early Twentieth Centuries // *Russia and Its Northeast Asian Neighbors: China, Japan, and Korea, 1858–1945* / Ed. by K. Matsuzato. Lanham, MD: Lexington Books, 2017. P. 15, 24, 26–27.

термин «Дальний Восток», с середины XIX столетия обозначавший Азиатско-Тихоокеанский регион, стал использоваться по отношению к Приамурью¹ и Приморью, что свидетельствовало об интересе российских элит к «дальневосточному вопросу» — растущему соперничеству Японии, США и европейских держав в Азиатско-Тихоокеанском регионе вообще и в Цинской империи в частности².

Тройственная дипломатическая интервенция (1895 г.) России, Германии и Франции после Японо-китайской войны 1894–1895 гг. дала старт новой волне империализма на территории Цинской империи, и, подобно другим державам, вовлеченным в дальневосточный вопрос, Россия стала обладательницей экстерриториальных владений и железнодорожных концессий. Она получила концессию на строительство Китайско-Восточной железной дороги (1896 г.), а также право аренды южной оконечности Ляодунского полуострова в Маньчжурии (1898 г.) и незначительные по размеру концессии в Ханькоу (1896 г.) и Тяньцзине (1900 г.). Однако, в отличие от построенной французами железной дороги Куньмин–Хайфон (1904–1910 гг.) и других иностранных инфраструктурных проектов, КВЖД (1898–1903 гг.) играла важнейшую роль во внутренней топологии Российской империи, став одним из участков Транссибирской магистрали (1891–1916 гг.) — главной транспортной артерии, соединявшей Европейскую Россию с побережьем Тихого океана³.

Аренда южной части Ляодунского полуострова, на которой была образована Квантунская область, обозначила новый этап российской экспансии. Полуостров стал новыми воротами империи на Тихом океане, как с военной, так и с коммерческой точки зрения. Внимание государства переключилось с Приамурья и Приморья на новые порты — Порт-Артур и Дальний (Далянь или Дайрен), а также новый железнодорожный

¹ Термин «Приамурье» использовался по отношению к землям вдоль реки Амур, к административной Амурской области, к южной части Приморской области и ко всему Приамурскому генерал-губернаторству.

² Davidson G. F. *Trade and Travel in the Far East*. London: Madden and Malcolm, 1846; Ремнёв А. В. *Россия Дальнего Востока: имперская география власти*. С. 142, 281, 290–291; Stephan J. J. *The Russian Far East*. P. 54–58.

³ Marks S. G. *Road to Power: The Trans-Siberian Railroad and the Colonization of Asian Russia, 1850–1917*. Ithaca, NY: Cornell University Press, 1991.

узел — Харбин (1898 г.). Региональные власти, возмущенные равнодушием правительства к Приамурскому генерал-губернаторству, выступали против строительства железной дороги через Маньчжурию. Но Петербург не только подтвердил этот план, но и продемонстрировал новые приоритеты своей политики, сделав в 1903 году Порт-Артур столицей Дальневосточного наместничества, объединившего Приамурское генерал-губернаторство, зону отчуждения КВЖД и Квантунскую область. Наместник Евгений Иванович Алексеев был облечен полной военной и гражданской властью в регионе; ему были поручены отношения с Пекином, Токио и Сеулом. Таким образом, Дальний Восток получил особый статус в рамках империи. Кроме того, создание наместничества подтвердило вовлеченность России в дальневосточный вопрос, что вскоре привело к Русско-японской войне (1904–1905 гг.)¹.

Российская экспансия на тихоокеанском направлении, как и в других частях империи, сопровождалась переселенческим колониализмом², но в этом плане Забайкалье и Приамурский край отличались как друг от друга, так и от остальной Северной Азии. В отличие от земель к западу от Байкала, где важную роль играло несанкционированное переселение, колонизация Забайкалья в большей степени была делом государственным. Большинство крестьян, на 1897 год составлявших 36% от общего населения Забайкальской области (672 037 человек), были потомками сосланных сюда представителей религиозных меньшинств (в основном староверов), преступников и политических ссыльных. Вторая по численности группа, казаки (29%), тоже первоначально оказалась здесь усилиями государства. Доля инородцев (эта сословная группа включала в себя в основном коренных

¹ Милежик А. В. Дальневосточное наместничество как попытка реформы регионального управления, 1903–1905 гг. // Вестник Дальневосточного отделения Российской академии наук. 2007. № 3. С. 110–115; Schimmelpenninck O.D. van der. Toward the Rising Sun: Russian Ideologies of Empire and the Path to War with Japan; Stephan J. J. The Russian Far East. P. 57–61 (см. русск. перевод: Схиммельпеннинк О.Д. ван дер. Навстречу Восходящему солнцу. Как имперское мифотворчество привело Россию к войне с Японией. М., 2009).

² Morrison A. Russian Settler Colonialism // The Routledge Handbook of the History of Settler Colonialism / Ed. by E. Cavanagh, L. Veracini. London: Routledge, 2017. P. 313–326.

жителей — бурят и эвенков)¹ составляла 27% населения. Число крестьян, самостоятельно переехавших в Забайкалье, осталось незначительным даже после того, как государство стало поддерживать добровольное массовое переселение, с 1890-х годов шедшее параллельно со строительством железной дороги. Впрочем, между коренными жителями и новоприбывшими все равно происходили конфликты, чему виной была сравнительная нехватка плодородных земель².

Приамурский край отличался от остальной Северной Азии тем, что правительство поощряло переселение сюда задолго до 1890-х годов. После трех лет казачьей и солдатской колонизации Муравьев-Амурский поддержал введение особых правил для переселенцев в Амурскую и Приморскую области в 1861 году. Как русские, так и иностранцы могли получить на семью по 100 десятин (109 гектаров) государственной земли в запашку, а также освобождение от подушных податей (пожизненно), военной службы (на 10 лет) и арендной платы за землю (на 20 лет). Эти льготы вкупе с введенным в 1860-е годы режимом беспошлинной торговли (порто-франко) привлекли поселенцев из Европейской России и Кореи. Впрочем, из-за отдаленности и тяжелых климатических условий число переселенцев росло медленно, что разрушило надежды на быструю интеграцию России в Тихоокеанский регион и заставило правительство продлить большинство льгот в 1882 году. Благодаря этому решению, а также открытию постоянного морского сообщения с Одессой на Дальний Восток прибыло множество новых переселенцев из европейской части империи, в первую очередь

¹ К категории «иностранцев» относили нерусские группы коренного населения, но некоторые представители коренного населения также относились к крестьянскому или казачьему сословию. Иностранцы были наименее привилегированным сельским сословием, а казаки — наиболее привилегированным.

² История Бурятии / Гл. ред. Б. В. Базаров. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2011. Т. 2. XVII — начало XX в.; Головачёв П. М. Экономическая география Сибири. М.: Тип. т-ва И. Д. Сытина, 1914. С. 15, 17–18; Институт демографии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Интернет-версия: <http://demoscope.ru/weekly/ssp/census.php?су=0> (дата обращения: 1 декабря 2015 г.); Кирьяков В. В. Очерки по истории переселенческого движения в Сибирь (в связи с историей заселения Сибири). М.: Типо-литография Товарищества И. Н. Кушнарёв и Ко, 1902. С. 25–36, 52–53, 76, 140–144, 243.

с территории Украины. С 1883 по 1899 год только в Южно-Уссурийском крае на самом юге Приморской области поселились 42 253 человека. Хотя с 1882 года льготы не распространялись на иностранцев, корейское население в Приамурском крае тоже увеличилось с приблизительно 9 тысяч в 1870 году до 32 298 человек в 1901 году. Более того, те корейцы, которые поселились на этой земле до русско-корейского договора 1884 года, могли претендовать на российское подданство и 15 десятин земли. Хотя в абсолютных цифрах поселенцев-корейцев было немного, в России их появление в регионе вызвало тревогу по вопросу безопасности границ, а в Японии — представление о российской угрозе: корейское переселение виделось частью российской политики по размыванию границы с Кореей, что являлось подготовкой к прямой российской экспансии¹.

Золотодобыча в Амурской области, строительство железной дороги, растущие города — все это способствовало притоку новых людей, в том числе китайцев, предпочитавших не переселяться сюда насовсем, а устраиваться на временную работу. К 1900 году китайская рабочая сила играла существенную роль в торговле, добыче полезных ископаемых, транспорте, строительстве, земледелии, домашнем услужении и других сферах. Густав Кунст и Густав Альберс из Гамбурга, Иван Яковлевич Чурин из Иркутска и Юлиус (Юлий Иванович) Бринер из окрестностей Женевы основали в 1860–1880-е годы крупные торговые компании. Японские предприниматели тоже обосновались во всех городах региона. Государственные и частные инвестиции, порто-франко, переселение и дислокация вооруженных сил благоприятствовали росту городов: на 1897 год Благовещенск насчитывал 32 834 жителя, Владивосток — 28 900, а Хабаровск — 14 971. Общая численность населения Амурской

¹ *Fumoto S. Russia's Expansion to the Far East and Its Impact on Early Meiji Japan's Korea Policy // Russia and Its Northeast Asian Neighbors: China, Japan, and Korea, 1858–1945 / Ed. by K. Matsuzato. Lanham, MD: Lexington Books, 2017. P. 8–9; Кирьяков В. В. Очерки по истории переселенческого движения в Сибирь. С. 65, 169–177, 180, 300–301; Sablin I., Kuchinsky A. Making the Korean Nation in the Russian Far East, 1863–1926 // Nationalities Papers. 2017. № 45 (5). P. 798–814; Корейцы на российском Дальнем Востоке (вт. пол. XIX — нач. XX в.): документы и материалы в 2 кн. / Сост. Н. А. Троицкая и др.; ред. А. А. Торопов, Н. А. Троицкая, Э. В. Ермакова. Владивосток: РГИА ДВ, 2004. Кн. 1. С. 6.*

области в 1897 году достигла 120 306, а Приморской — 223 336 (не считая 28 113 жителей Сахалина, по большей части ссыльных). Несмотря на отмену порто-франко в 1900 году, уменьшение земельных наделов и переключение государственных инвестиций на Маньчжурию, население российского Дальнего Востока продолжало расти. С 1901 года, когда частично заработала КВЖД, многочисленные переселенцы из европейской части империи и других районов Сибири стали прибывать в Приамурский край по железной дороге¹.

Население Приамурского генерал-губернаторства было чрезвычайно разнообразным. Согласно переписи населения 1897 года, большинство от общего числа жителей Забайкальской, Приамурской и Приморской областей (1 043 792 человека) составляли носители русского языка (59%). Крупнейшие меньшинства говорили на бурятском (17%), украинском (6%), «тунгусском» (5%), китайском (4%), корейском (2%) и чукотском (1%). Православные (в интерпретации официальной церкви) были на конец XIX столетия религиозным большинством, но, кроме них, в регионе имелись общины других христиан (староверов, католиков, лютеран, баптистов, адвентистов и других), а также буддистов, конфуцианцев, мусульман, евреев и шаманистов. Население было распределено неоднородно: на некоторых территориях (часть Забайкалья, Чукотка и Камчатка) по-прежнему жили преимущественно коренные жители региона, на других территориях большинство составляли украинцы (части Амурской и Приморской области) или корейцы (южная оконечность Приморской области)².

¹ Институт демографии Национального исследовательского университета; *Stephan J. J. The Russian Far East.* P. 67–68.

² В 1897 году в число языковых групп, насчитывавших от тысячи до 10 тысяч носителей, входили носители «еврейского» (главным образом носители идиша, 9799 человек), польского (6813), нивхского (6191), корякского (6058), татарского (5675), камчадальского (3978), маньчжурского (3393), белорусского (2693), японского (2570), айнского (1434) и эскимосского (1099) языков (Институт демографии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Интернет-версия: <http://demoscope.ru/weekly/ssp/census.php?су=0> (дата обращения: 1 декабря 2015 г.)). Согласно официальным данным за 1893–1895 годы, православные христиане составляли 64,5% населения Забайкальской области, 63% населения Амурской области и 72% населения

Присоединение Приамурья и Приморья внесло свой вклад в дискуссии о децентрализации и регионализации Российской империи. Идея того, что Сибирь от Урала до Тихого океана представляет собой особый регион империи, восходит к проектам по децентрализации участников восстания декабристов (1825 г.), а также первого поколения российских социалистов. Михаил Александрович Бакунин, находившийся в 1857–1861 годах в сибирской ссылке, Александр Иванович Герцен и другие противники режима надеялись, что Приамурье поможет североамериканской демократии распространиться в Северную Азию. Ожидалось, что затем Сибирь станет проводником демократизации всей России. Хотя к концу 1860-х годов взгляд на роль Приамурья пересмотрели, политические дискуссии продолжились во многом благодаря массовым ссылкам оппозиционных интеллектуалов всех мастей, от польских националистов до народников и других социалистов, в Забайкалье, Якутскую область, на Сахалин и в другие части Северной Азии. Из-за слабости инфраструктуры и управления государство не могло заставить замолчать сибирскую оппозицию¹.

В начале 1860-х годов Афанасий Прокопьевич Щапов, родившийся в Иркутской губернии в семье русского и бурятки, выдвинул свой проект децентрализации России. Каждой области следовало предоставить самоуправление посредством земских советов, а главным органом демократической федерации должен был стать земский собор. В эти же годы украинские интеллектуалы тоже разрабатывали идею превращения России в федерацию. Вдохновленные этими идеями Серафим Серафимович Шашков (учившийся у Щапова), Николай Михайлович Ядринцев, Григорий Николаевич Потанин и другие

Приморской области. Буддисты составляли соответственно 25,3%, 16% и 11%. В Приморской области 5% составляли конфуцианцы. В конце XIX века государство прикладывало большие усилия для распространения православия, строило церкви и организовывало миссионерскую деятельность, но результаты этих усилий были не слишком впечатляющи (Религия и власть на Дальнем Востоке России: Сб. документов Государственного архива Хабаровского края / Под ред. Ю. Н. Бакаева, А. В. Рябовой; сост. Е. Б. Бакшеева, Л. А. Варакина, О. И. Иванова, Н. А. Соловьева. Хабаровск: Частная коллекция, 2001. С. 42–43, 50–52, 57–58, 83, 88–89).

¹ *Bassin M. Imperial Visions: Nationalist Imagination and Geographical Expansion in the Russian Far East. P. 168–173.*

сибиряки, посещавшие Петербургский университет, сформулировали концепцию Сибири как колонии Европейской России, выступив за ее широкую автономию или даже независимость. Нераспространение на Сибирь земского самоуправления, введенного в части Европейской России в 1864 году, способствовало консолидации их взглядов. Подобно украинскому движению, сибирский «сепаратизм» в скором времени подвергся репрессиям: в 1868 году Ядринцев был приговорен к тюремному заключению, а Потанин отправлен на каторгу. Но сибирский регионализм (областничество) выжил, превратившись в подобие политической программы, подразумевавшей введение в Сибирь земского самоуправления, создание здесь учреждений высшего образования, прекращение ссылки в Сибирь и предоставление региону экономической и правовой автономии. Кроме того, сибирские областники призывали уделить внимание проблемам коренного населения Сибири, а Владимир Ильич Иохельсон, Владимир Германович Богораз, Лев Яковлевич Штернберг, Бронислав Пилсудский и другие ссыльные встали у истоков сибирской этнографии¹.

Хотя открытие Томского университета в 1878 году можно интерпретировать как уступку сибирским интеллектуалам, высшее образование к востоку от Байкала появилось благодаря экспансионизму Петербурга. Владивостокский Восточный институт, основанный с целью укрепления влияния России в Восточной Азии путем обучения языкам и проведения научных исследований, в скором времени стал важнейшим центром востоковедения, в котором преподавали выдающиеся китаисты (Аполлинарий Васильевич Рудаков), японисты (Евгений Генрихович Спальвин), корееведы (Григорий Владимирович Подставин), а также монголоеды и тибетологи (Алексей Матвеевич

¹ Дамешек И. Л., Дамешек Л. М., Зиновьев В. П., Ремнев А. В., Суворова Н. Г., Шахеров В. П., Шиловский М. В. Сибирь в составе Российской империи. М.: Новое литературное обозрение, 2007. С. 302–335; Ядринцев Н. М. Сибирь, как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении. 2-е изд. СПб.: И. М. Сибиряков, 1892; Миллер А. И. «Украинский вопрос» в политике властей и русском общественном мнении (вторая половина XIX в.). СПб.: Алетейя, 2000. С. 130; Потанин Г. Н. Нужды Сибири; Von Hagen M. Federalisms and Pan-Movements: Re-Imagining Empire // Russian Empire: Space, People, Power, 1700–1930 / Ed. by J. Burbank, M. Von Hagen, A. Remnev. Bloomington, IN: Indiana University Press, 2007. P. 502.

Позднеев), в большинстве своем раньше работавшие в Петербургском университете. Многие из этих ученых представляли прогрессивное течение в имперской науке, выступая за погружение в языковые среды и привлекая носителей иностранных языков в качестве учителей, информантов и участников исследований. Бурят Гомбожаб Цыбиков, заведовавший кафедрой монгольской словесности во Владивостокском институте, стал одним из первых инородцев, занявших такую должность. Но существующие иерархии никуда не делись. Цыбен Жамцарано, Базар Барадин и другие выдающиеся бурятские ученые, несмотря на активное участие в полевых исследованиях и преподавании, не могли надеяться на аналогичные посты до 1917 года. Более того, даже ученые-прогрессисты глядели на мир с европоцентричной точки зрения. В 1900 году Спальвин, восхищаясь достижениями Японии, вместе с тем указывал на нехватку творческого начала у японцев, утверждая, что они просто подражают Европе, подобно тому как раньше подражали Китаю¹.

Джон Дж. Стефан, проводя аналогию с сибирскими областниками, видел в образованном слое приамурского общества «замурцев» или проторегионалистов российского Дальнего Востока. Действительно, многие из них критиковали политику правительства как наносящую вред региону, но единства среди них не было. Тем не менее учреждение местных исследовательских организаций способствовало территориальной концептуализации Забайкалья и Приамурского края. Общество изучения Амурского края (Владивосток, 1884 г.) и Приамурский отдел Императорского Русского географического общества (ИРГО) (Хабаровск, 1894 г.), музеи и библиотеки в городах к востоку от Байкала, финансировавшие экспедиции, публиковавшие исследования и служившие местом для дискуссий, помогли включить регион в научное пространство Российской империи. Многие ученые занимались как естественными, так и социальными

¹ История Дальневосточного государственного университета в документах и материалах. 1899–1939 / Сост. О. В. Усталова, К. Б. Абрамова, Е. М. Гончарова, Д. И. Мелюхов; ред. Э. В. Ермакова, И. Е. Каргинова, Н. А. Троицкая, А. А. Торопов. 2-е изд. Владивосток: Дальнаука, 2004. С. 139–148; *Tolz V. Russia's Own Orient: The Politics of Identity and Oriental Studies in the Late Imperial and Early Soviet Periods.* Oxford: Oxford University Press, 2011.

науками. Например, доктор Николай Васильевич Кирилов, один из основателей Читинского подотдела Приамурского отдела ИРГО, писал о вопросах здравоохранения среди бурят. Владимир Клавдиевич Арсеньев изучал географию региона и вместе с тем занимался этнографическими исследованиями, критикуя государственную политику в отношении коренного населения и указывая на примеры долгового рабства, разорительной торговли и других способов эксплуатации инородцев, к которым прибегали китайцы в Южно-Уссурийском крае¹.

Впрочем, и социальное положение китайцев было неблагоприятным. Иерархия групп населения в регионе была одновременно следствием внутриимперского неравенства разных этнических, религиозных и социальных категорий, а также межимперского дискурса, связанного с дальневосточным вопросом, выдвигавшим на передний план конкуренцию между «расами». Потенциальная роль «желтого труда» в мировой экономике представлялась очень важной, но вместе с тем, по мнению многих современников, «желтая опасность» европейской цивилизации требовала европеизации Азиатско-Тихоокеанского региона². Тенденция к «национализации» (переходу от династического государственного образования к национальному государству), набиравшая обороты в Российской империи начиная со второй половины XIX века, а также мировой империализм подталкивали правительство к политике русификации и христианизации. Впрочем, несмотря на общую принадлежность китайцев, корейцев и японцев к «желтой расе», российские чиновники относились к ним по-разному. За исключением антикорейски настроенного Павла Федоровича Унтербергера, губернатора Приморской области в 1888–1897 годах и приамурского генерал-губернатора в 1905–1910 годах, большинство чиновников лучше относились к корейцам, чем к китайцам. Местные власти, ссылаясь на лучшую интегрированность корейцев в жизнь империи, позволили

¹ Арсеньев В. К. Китайцы в Уссурийском крае: очерк историко-этнографический. Хабаровск: Тип. Канцелярии Приамурского генерал-губернатора, 1914. С. 35, 49, 83–91; *Stephan J. J. The Russian Far East*. P. 93–98.

² *Hsu C. Y. A Tale of Two Railroads: «Yellow Labor», Agrarian-Colonization, and the Making of Russianness at the Far Eastern Frontier, 1890s–1910s // Ab Imperio*. 2006. № 3. P. 217–253; *Lewis R. E. The Educational Conquest of the Far East*. N. Y.: F. H. Revell Company, 1903.

им в 1890-е годы массово перейти в российское подданство. В то же время многие корейцы селились вдоль границы, что вызывало тревогу у ряда чиновников. Регулярно звучали предложения ограничить корейскую иммиграцию и переселить корейцев подальше от границы¹.

Китайцев периодически воспринимали как представителей враждебного государства. В соответствии с Айгунским договором китайские жители Приморской области сохранили Цинское подданство, и это сыграло свою роль в так называемой «манзовской войне» 1867–1868 годов, начавшейся с попыток взять под контроль экономическую деятельность китайских старателей и переросшей в китайское восстание против России. После этого конфликта администрация стремилась установить контроль над китайцами, что, в частности, привело к их массовой регистрации в 1880-е годы. В 1900 году, когда Россия принимала участие в подавлении антиимпериалистического Ихэтуаньского восстания (1899–1901 гг.), несколько тысяч китайцев были убиты в Амурской области. После бомбардировки Благовещенска китайскими войсками и российской оккупации правого берега Амура военный губернатор Амурской области Константин Николаевич Грибский приказал выселить всех китайцев на другой берег реки. Русская армия и поселенцы-казаки (в том числе и дети) загнали в Амур порядка 4 тысяч китайцев; тех, кто шел слишком медленно или пытался избежать верной смерти в воде, хлестали нагайками, рубили саблями, в них стреляли; до правого берега добрались не более 100 человек. В следующие дни подобным же образом были убиты еще несколько сотен китайцев. Хотя были люди, осуждавшие власти за подобные действия, широкого общественного резонанса благовещенская резня не вызвала².

Дискурс «желтой опасности» присутствовал в российской и международной прессе и во время Русско-японской войны.

¹ Sablin I., Kuchinsky A. Making the Korean Nation in the Russian Far East.

² Дятлов В. И. «Благовещенская трагедия»: историческая память и историческая ответственность // Дружба народов. 2012. № 10. С. 173–189; Glebov S. Between Foreigners and Subjects: Imperial Subjecthood, Governance, and the Chinese in the Russian Far East, 1860s–1880s // *Ab Imperio*. 2017. № 1. P. 86–130; Stephan J. J. The Russian Far East. P. 71–75, 79.